

Маргарита
Южина

Сыщицы-
затейницы

Маргарита Южина
Сыщицы-затейницы

«Маргарита Южина»

2003

Южина М. Э.

Сыщицы-затейницы / М. Э. Южина — «Маргарита Южина»,
2003

У Василисы Курицыной и Людмилы Петуховой очень интересная профессия: они работают клоунессами-затейницами в фирме «Улыбка». Только позовите – и все гости на вашей вечеринке будут покатываться со смеху от их затей и шуток-прибауток!.. Но после этой свадьбы подругам было не до смеха. В сундуке с реквизитом они привезли на фирму... две отрезанные человеческие руки! Ужас-то какой... Сердобольные женщины похоронили руки по христианскому обычаю. Но вскоре прочли в газете объявление, что некий бизнесмен обещает миллион тому, кто раскроет убийство, совершенное с особой жестокостью, – и описывает подробности убийства. «Это про найденные нами руки! – поняли подруги. – Разыщем злодея!» И из затейниц превратились в сыщиц. Да таких ловких, что осталось только придумать, куда потратить миллион. В случае удачи...

© Южина М. Э., 2003

© Маргарита Южина, 2003

Содержание

Глава I	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Маргарита Эдуардовна Южина

Сыщицы-затейницы

Глава I

МИЛЛИОН В МРАЧНОЙ КОРЗИНЕ

Свадьба – дело интересное. Особенно для гостей. Сомнительно, что такое уж увлекательное это дело для жениха и невесты. И уж совсем тяжкое и хлопотное для тех, кто эту свадьбу устраивает. Василиса Олеговна и Людмила Ефимовна свадьбу проводили, поэтому вечер для них был особенно трудным. Сейчас они, ломая каблуки, волокли тяжеленные китайские сумки с костюмами на третий этаж и заунывно проклинали все на свете. Особенно возмущалась своей горькой долей неказистая, тщедушная Людмила. Может быть, оттого, что помимо увесистого баула ей приходилось переть еще и баян.

– Нет, ну ты посмотри, что за мужик нынче пошел. Ни один, ну просто ни один не предложил дружеское плечо или какую-нибудь другую часть организма для помощи несчастным женщинам. Все приходится самим.

– Люся! Пойми же, наконец, – пыхтела длинная и плоская, как алюминиевые профили вождей в былые времена, Василиса, – мужчины – это отрывка природы! Но и они понимают, что такие целомудренные девушки, как мы с тобой, ни за что на свете не приняли бы от них никакой помощи, вот и не рискуют навязываться.

Этим «девушкам» было изрядно за пятьдесят, а недоступность и целомудрие не мешали тем не менее одной из них заиметь дочь, а другой – некогда разродиться сыном. Причем мужей как таковых у дамочек не имелось. Теперь дети были уже совсем взрослые, жили отдельно и, чем занимаются их мамы, не очень знали.

– Слушай, Василиса, ведь есть же у твоего Пашки машина, чего ж он матери помочь не может? Мы бы ему даже за бензин заплатили.

– У него машина заправляется газом, он бензином не пользуется. И потом, я тебе уже говорила – начальник у него, старший следователь Перышкин, так он Пашке знаешь что сказал? «Ты, – говорит, – Курицын, повышаешь не раскрываемость преступлений, а только рождаемость детей! Ты что же, решил один всю нацию восстановить? Если тебе, кроме детопроизводства, заняться больше нечем, так я тебе быстренько занятие подыщу!» И сунул ему целую кипу дел. Одних «глухарей», надо думать. Представляешь, гад какой! Поэтому теперь Пашка и днюет и ночует в своей ментовке, а у него дома дети и жена беременная.

– Да уж, ему самому впору помогать, а не от него помощи дожидаться, – вздохнула Люся и потащила свой баул дальше.

– Ну, наконец-то, – выдохнула Василиса Олеговна, освобождаясь в коридоре от тяжелой ноши, – Люсь, да отпусти ты баян! Господи, как хорошо, что ты не пианистка.

Людмила Ефимовна, она же Люся, как ее звала подруга, аккуратно поставила инструмент и, скинув шубейку, побрела на кухню. Там она вскипятила воду и с кружкой вернулась в комнату. После трудового вечера, или даже ночи, так хорошо было выпить чашечку кофе, развалиться в кресле, вытянуть затекшие ноги и на минутку прикрыть глаза. И помолчать. И не слышать никого и ничего.

– Люсь, у нас есть что-нибудь сладенькое? – затрубила в соседнем кресле Василиса.

Лучше всего сейчас было притвориться спящей.

– Люсь, ну не прикидывайся, лучше скажи, у нас никаких конфет не затерялось? Или пирожных?

Самое главное – постараться не слышать назойливой подруги.

– Ты еще всхрани для убедительности. Неужели трудно ответить – есть ли у нас что-нибудь сладенькое? Я так вымоталась сегодня, что просто до обалдения хочу, например, торта.

– И где я тебе сейчас сладенького возьму? Ты же на свадьбе была, чего ж не ела?! Там тебе прямо в рот пихали! – не выдержала Люся.

– То есть... – задохнулась от подругиного непонимания Василиса. – Ты же знаешь, я работаю ртом. В том смысле, что я – тамада! И я не могу допустить, чтобы этот самый рот был в рабочее время забит чем попало!

– А ты что попало в рот не тащи! И не донимай меня после рабочего дня!! И после ночи! Ладно, чего это мы? Сейчас сумки растрясем, там наверняка и тортик отыщется, и конфетки. Только подожди немного, руки гудят.

Василиса печально вздохнула. Как-то незаметно женщины чуть не поссорились, а это не к добру. Нет, на самом деле, если Люся так вот кричит – быть беде, это уже проверено. Взять хотя бы последний раз – полгода назад Люся так же грубо пререкалась с Василисой, а вечером того же дня стало известно, что безвременно ушла из холостой жизни их третья подруга – Мария Игоревна Савина. Машенька выскочила замуж за лысенького, жирненького Петюню, который не имел ни денег, ни квартиры и мог похвастаться только пятью детьми – четырьмя мальчиками запущенного воспитания и доченькой с сомнительными умственными способностями. Указанная молодая поросль от двенадцати до шестнадцати лет с комфортом расположилась в Машиной полуторке и радостно улюлюкала при виде каждого нового гостя. Подругам стоило один раз посетить Машкино супружеское гнездо, чтобы надолго забыть про ссоры. Хотя справедливости ради надо сказать, что оперившийся материально Петюня подруг жены не забыл. Он создал свое бюро по проведению увеселительных мероприятий с радостным названием «Улыбка», пристроил туда Василису и Люсю и отдавал им самые выгодные заказы. Подруги ходили по юбилеям, свадьбам и зарабатывали свои нелегкие, но нескучные рубли. Василиса оказалась талантливым тамадой, а Люся веселила народ забористыми эссе на баяне. Жили подруги в двухкомнатной квартире Василисы, а Люсины хоромы в центре города сдавали в аренду. Оплата за сданное жилье шла в совместный бюджет, и женщины жили безбедно, мирно и дружно. И все же сегодня Люся взорвалась буквально на пустом месте, а это может означать лишь одно – жди неприятностей.

Поэтому Василиса без всякого энтузиазма встала и безрадостно поплелась к сумкам. Бывало, если свадьба удавалась, благодарные родители накладывали артистам полные сумки всякой вкуснятины. Сегодня же гулянье прошло на слабенькую троечку, из всех приглашенных если кто и бурно веселился, так только Василиса с Люсей! Невеста как-то уж очень быстро набралась, жених был немного трезвее, но, выражаясь фигурально, плевал на всех, и в первую очередь на красавицу новобрачную. Родители же виновников торжества серыми мышками ютились на краю стола. Но вот мышки – мышками, а объемный пакетик с угощением в сумку сунуть-таки успели. Было похоже, что сунули не только угощение, но и презент артисткам за старание. Действительно, помимо съедобных гостинцев среди костюмов в самый уголок сумки кто-то упрятал красиво упакованный сверток. Коробочка выглядела довольно привлекательно.

– Зачем же надо было столько скотча налеплять, – ворчала Василиса, разрывая липкую ленту. Под напором ее нетерпеливых пальцев крышка поддалась, и коробка открылась.

Женщина несколько секунд тупо тарасилась на «презент», затем сердце ее дало сбой, она медленно поднялась и, не сгибаясь, словно срубленная корабельная сосна, рухнула на линолеум.

Уши разрывало от крика.

– О-о-о-о!!! – паровозным гудком вопила Люся.

– Ма-а-а!! Ма-а-ау!! – поддержал ее кот Финли.

– Ва-а-аська-а-а!!! Ты зачем приволокла в дом эту мерзость?! – с трубного баса перешла на фальцет Людмила Ефимовна.

Василиса помотала головой, пытаясь избавиться от наваждения, но видение не исчезало – в коробке на бархатной подушке лежала пара отрубленных рук. Бархат вокруг них потемнел от крови, и этот натюрморт покоился в веселенькой, сверкающей коробке.

Уснуть в эту ночь подругам так и не удалось. Как-то неприлично было безмятежно храпеть, когда в доме покойник, даже если и не весь целиком, а только его отдельные части.

– Люсь, это не твои ли, часом? – в который раз с надеждой в голосе спрашивала Василиса. – Я имею в виду, не ты ли их туда подбросила?

– Помнишь, однажды ты пыталась подобрать на баяне «жили у бабуси»? Признаюсь, тогда мне очень хотелось тебе руки пообрубать, но так это же были только мечты. Мне кажется, я знаю, откуда они у нас взялись. Точно в такие же сумки собирали подарки для молодых, а потом поставили в ту же комнату, где и наши стояли. Может, кто-то перепутал и по ошибке нам «подарочек» сунул? Только какому идиоту такая мысль могла в голову заскочить – таким образом порадовать новобрачных?

– Люся, я знаю, – перешла почему-то на шепот Василиса. – Люся – это месть! Или кто-то решил молодоженов запугать!

Люся поежилась и покосилась на коробку, которая продолжала стоять посреди коридора. Убрать ее куда-нибудь подальше от глаз у дам не хватило отваги. Они едва собрались с силами, чтобы прикрыть крышку.

– Как бы там ни было, надо звонить в милицию, – подвела черту Василиса и подтянула к себе аппарат. – Аллю, это милиция? – голоском испуганной шестиклассницы залепетала она в трубку. – Вы знаете, я случайно обнаружила у себя чьи-то руки.

– Детонька, теперь пошарь под одеялом и постарайся обнаружить чьи-то ноги, тогда найдешь себе занятие на всю ночь, а не будешь фигней маяться, – обидно хрюкнули в ответ.

– Хам! – рявкнула Василиса и бросила трубку. – Ну и что делать?

Люся сидела в глубоком раздумье, а может, просто хотела спать.

– Надо от них избавляться. Сейчас сколько времени? Четыре утра? Нет, в такое время ходить по улице страшновато, а вот когда рассветет, отнесем «сюрприз» в мусорный контейнер, да и дело с концом.

Подруги немного помолчали. Рассвет все еще не наступал. Уже давно были расправлены постели, смыт макияж и надеты ночные сорочки, но спать как-то не ложилось.

– Ты знаешь, Люся, а мне кажется, что это как-то не по-людски в мусорку-то. Представь, залезут собаки или ребенок какой увидит?

– Ну тогда звони своему Пашке, он же как раз такими делами занимается, придется потревожить. Сама видишь – случай не рядовой.

Василиса замаялась.

– Понимаешь, жена у него, Лидочка, через месяц родить должна, а я его своими проблемами загружать стану. Лидочке волноваться нельзя, а когда он срывается вот так – в ночь, в полночь, тут такая тревога... не могу я сейчас, пусть родит спокойно.

– Так ты говоришь, через месяц? Сколько себя помню, она у вас все время беременная. Ты знаешь, я где-то могу понять этого его Перышкина. Хотя... Дети – это прекрасно. У них же уже есть двое, да? Ну, правильно, Катенька и Надюшка.

– Просто Паша хочет мальчика. А сейчас просветили и сказали, что там именно мальчик. Или девочка... Я уже что-то не помню. Люська!! А чего мы голову морочим? Подарок принесли не нам, вот и вернем его хозяевам.

– Ага! Вот обрадуются! – ерничала Люся. – А если у этого жениха, как его? Роман, кажется? Так вот, если у этого Романа жена тоже беременная, ты не подумала? Нет, добрый человек такую посылку не притащит, и мы с тобой должны это зло похоронить. О! Точно!

Утром же поедem на Вышаевское кладбище и похороним эту коробочку. Финли!! Брысь немедленно!!

Кот кощунствовал – запрыгнул на коробку и увлеченно играл бантом.

Утро выдалось ясное и морозное. На ветках весело искрился иней, и радостно поскрипывал под ногами снег, но у подруг была задача совсем не радостная. Заматавшись в черные шарфы, они везли свою страшную коробку в последний путь. Не скоро добрались они до кладбища, а как только прибыли, перед ними возникла новая проблема – как долбить мерзлую землю? Сунуть в снег – грех, зарыть в землю невозможно. Василиса попробовала, конечно, выкопать ямку по-собачьи, но только вымазала руки. Люся скорбно воздела глаза к небу и покорно ждала, пока ей не надоело.

– Смотри, вон свежая могилка. Бабульку какую-то похоронили, земля еще застыть не успела, давай к ней сунем. Старушка не обидится, лишняя пара рук никому не помешает.

Крадучись, женщины принялись выполнять свою благородную миссию. Когда же после трудов в поте лица они разогнулись, с их плеч свалилась, казалось, тяжелая глыба.

– Теперь и помянуть можно, – присела Люся на оградку и вытащила чекушку. – Давай, Васька, не вороти нос, мы все с тобой по-людски сделали.

Люся входила в образ. Выпив последнюю рюмку, она даже всплакнула и собралась было заголосить, да не знала толком, по кому требуется печалиться в данном случае.

– Ты совсем-то с ума не съезжай. Смотрю, вон уже и брови шалашиком сгребла, не выть ли настроилась? Давай-ка, до автобусной остановки рысью. У тебя и хмель вылетит, и согрешься, а то уже на лютик похожа – синенькая, дохленькая и головка набок, – дернула подругу бездушная Василиса за руку.

Домой добрались уже после обеда. Все силы, что остались, потратили на уборку квартиры. С хлоркой перемыли полы, протерли пыль и вылизали ковры. После по очереди долго полоскались в ванной, пытаясь смыть даже само воспоминание о неприятной находке, а поздно вечером, совсем уже успокоенные, улеглись в кровати. Люся раскрыла томик детектива, а Василиса принялась перечитывать «Громкие преступления тихого города», самую скандально-криминальную городскую газету.

– Нет, ты послушай: «В среду вечером на улице Карасева был найден обезображенный труп Сибияровой Т. Ф. Родственники потерпевшей обращаются к гражданам с просьбой сообщить любые известные им подробности. За информацию о преступниках – награждение в размере ста долларов. За поимку преступника предлагается выбор – либо миллион русских рублей, либо автомобиль на эту же сумму». Тут дальше телефон. Люсь, ты только представь, какие деньжищи, а?

Люся смотрела на Василису и тщетно пыталась представить миллион.

– Ну-ка, Васенька, прочитай помедленнее.

Василиса послушно перечитала заметку. Теперь она читала не только медленно, но и с выражением.

– Васька! Ты хоть поняла, что там написано?! Обезображенный труп! То есть без рук, без ног и без всего остального! Это значит, что, если мы сейчас позвоним и расскажем о своей находке, нам тут же выдадут сто баксов!

Василиса потянулась к телефону.

– Нет, ты погоди. А если мы еще и преступника найдем, то у нас будет миллион! Или лучше машина! Или лучше так: мы находим преступника, отдаем дело твоему Пашке, отдаем ему же навороченную машину, а он нам отдает свою. Ну как? Все счастливы. Конечно, за исключением этой Сибияровой, но ее уже ничто не обрадует.

– Ты бы, Люся, на ночь-то поменьше детективы читала, – угрюмо посоветовала подруга. – Тут у людей горе, а ты кривляешься.

– Какое кривляние! Сама посуди – просто так про них не забудешь, про руки эти. Если же рассказать про них, так никто не поверит. Опять же, если в милицию позвонить, так там на твоего же Пашку это все и взвалят. И учти, бесплатно, зарплату я не считаю. А у него на такое дело ни времени не хватит, ни мозгов. Я в смысле, что голова у него другим сейчас забита. А мы с тобой внимательно, не торопясь, потихонечку и разматываем этот клубочек, узелочки развяжем, ниточки потянем. Ну ты же любишь вязать!

Вязать Василиса действительно любила. Еще в детстве мама научила ее набирать петельки-крючки, и теперь, став уже окончательно взрослой дамой, Василиса не выпускала спицы из рук. Она плела не просто шарфики или носочки, а вещи яркие и необыкновенные. Надо отметить, что для себя искусница не старалась, а почему-то упорно трудилась для подруги. Так, Люсеньке был подарен купальник, выполненный каким-то диковинным ажуром, летний, на бретелях сарафан из носочной пряжи и теплый домашний халат, связанный из овечьей шерсти. Оставалось лишь удивляться, отчего неблагодарная Люся так не спешит обряжаться в поделки Василисы. Вязать Василиса любила, но с такими запутанными «клубочками» ей сталкиваться еще не приходилось. Поэтому она сомневалась. С одной стороны, слабо верится, что у них что-то получится, а с другой – почему бы и не попробовать? Да и машина Пашке новая совсем не помешает. А уж они-то на его «шестерке» куда угодно могли мотаться, и не надо было бы с сумками таскаться по ночам.

– Хорошо. Тогда вот что, Людмила, убирай свою книгу и – спать. С завтрашнего дня у нас начнется жизнь частных детективов. И мы должны в эту жизнь войти бодрыми и сильными женщинами. Кем мы в этой жизни только ни работали, придется теперь и милиционерами стать, – решительно высказалась она и щелкнула выключателем.

И все же уснуть Василисе не удавалось, хотя она и жмурилась изо всех сил. Она уже видела себе эдакой матерой сыщицей и теперь всерьез размышляла, что бы такое прикупить из одежды, чтобы было удобнее гоняться за преступниками. Прочие трудности ее не пугали, ей всегда везло в жизни. Еще с самого детства папа и мама окружили единственное чадо теплом и лаской, и Василиса не раз слышала, как папа печально говорил маме: «Ну что ж, у кого-то детки умненькие, у кого-то красивые, а мы свою Васеньку просто так любить будем». В юности, правда, девушку дразнили шваброй носатой, но недолго. Немного труднее пришлось потом, в пору «цветения». За ее подружками уже всю хвостами вились ребята, а за Василисой бегал только дворовый пес Кукиш. Потом все подружки повыходили замуж, а она так с кукишем и осталась. Но тут активно вмешалась матушка и устроила дочурку на стройку, где мужиков были просто стаи. Надо признаться, ни одному из них так и не пришлось в голову взять Василису в жены. Однако у нее появилась квартира. А уж в этой квартире встретила Василиса свою любовь. То есть встретила, конечно же, на улице, домой она его приволокла значительно позднее. Ах, она до сих пор помнит это неожиданное свидание. Началось все буднично. Кстати, кто это сказал, что мужики на дороге не валяются? Ее возлюбленный валялся именно там. Скромная девушка пожалела паренька, пьяного в хлам, притащила в дом – чего добру пропадать, а потом... Сволочь он оказался неблагодарной! Наутро глаза продрал, увидел на постели рядом с собой Василису и буквально отпрыгнул.

– Мамачки! Это ж сколько я вчера выпил?! – первое, что он произнес. Потом оказалось, что он совершенно женатый, к тому же многодетный отец и с этой самой минуты собирается блюсти верность супруге и семейному очагу. А посему ждать его больше не надо. Приходить он не будет. И вообще, ему и без Василисы хреново! И это вместо благодарности! Вот так и ушел, оставив Василису удивленной, огорченной и немножко беременной. Зато потом у Василисы родился замечательный сыночек Пашенька! Теперь Пашенька высоченный красавец мужчина, работает в доблестной милиции и периодически дарит ей, Василисе, внучат. Ну и кто после этого скажет, что у Василисы Олеговны жизнь не удалась? Нет, ей определенно везло. Она

умело решала все жизненные задачи, так кто же сможет найти коварного преступника, как не она!

Утро у них, как у настоящих детективов, началось с телефонного звонка.

– Могу я услышать Курицыну или Петухову, – послышался бархатный мужской голос.

Люся не любила, когда их так звали. Людей почему-то очень умиляло, что подружки носят фамилии этой птичьей четы. Некоторые даже интересовались: «А это у вас не псевдоним?» И когда женщины терпеливо поясняли, что сама природа связала их в пару, излишне любопытные частенько уточняли: «И кто же у вас Петухова?» Было обидно. Бабушки-соседки Василисе и Люсе уже давненько прилепили одно прозвище на двоих – Куры. Поэтому Люся совсем не растаяла, услышав в трубке медовый голос.

– Я могу услышать Курицыну или Петухову?

– Петухова у аппарата.

– У моего друга сегодня юбилей. Не могли бы вы провести для него этот праздник?

– Это совершенно невозможно. Мы напрямую с клиентами не работаем. И потом... надо было заранее.

– Тысяча долларов за этот вечер вас устроит?

– Когда подъезжать? – чуть не поперхнувшись, завохтала Люся.

– К двум часам. Дня, разумеется, – уточнил мужчина. – Запишите адрес, его совершенно нетрудно отыскать. Друга зовут Леней, ему исполняется тридцать, шумную ярмарку устраивать не надо. Просто – пару-тройку стихов, тостов, пожелания, песенки, ну... Вы сами лучше в этом разбираетесь. Вот, пожалуй, и все.

– И за это – тысяча долларов? – уточнила Люся.

– Но вы же будете очень стараться, – хмыкнул заказчик и отключился.

Люся опустила в кресло, забыв вернуть трубку на рычаг, а потом, вдруг опомнившись, заверещала так, что подпрыгнул Финли:

– Вася!! Василиса!! Срочно собирайся, нас ждут мужчины! Нас ждет работа! Люди просят зрелищ!

– А как же расследование? – не открывая глаз, промычала Василиса.

– Расследование?! А чем я, по-твоему, всю ночь занималась? Думаешь, дрыхла без задних ног?

– Мне почему-то так показалось...

– Показалось ей. Я мыслила! Ты что же думаешь, я, читая детективы, только время убиваю?

– Господи! Неужели кого-то еще?

– Я научилась строить версии, – торжественно провозгласила Люся. – Вот что я надумала по поводу этих несчастных конечностей. Первая версия: эта Сибярова как-то связана с нашими молодоженами.

– Понятно, иначе им бы не подсунили ее руки.

– Вторая версия – кто-то из молодых, скорее всего жених, сам прикончил эту Сибярову.

– Ерунда. Это он что же, ее прикончил, а руки на память оставил, так, что ли?

– Нет, не так. На то мы с тобой этим делом и занялись, чтобы узнать как. Может, теперь его шантажируют? А еще можно предположить, что эта женщина была влюблена в нашего жениха, а когда узнала про его свадьбу – покончила жизнь самоубийством. Хотя нет, как же она без рук-то. Руки не вписываются. Короче, ясно одно – все ниточки ведут к молодоженам. Поэтому сейчас мы едем зарабатывать деньги, а вечером отправляемся к ним.

– И что скажем – это не вы тетеньке руки отрубили?

Люся посмотрела на подругу, как на больного кролика.

– Вася, сосредоточься и постарайся понять, что я тебе скажу. По всем правилам, нам надо узнать все подробности о самой Сибяровой. Однако по этому объявлению желающих

узнать то же самое нашлась, наверное, целая туча. Само собой, измученные родственники не станут рассыпаться в подробностях перед какими-то двумя невзрачными тетками непрестижного возраста. Поэтому мы зайдем с другого края. Раз уж сама судьба сунула нам в руки... В общем, сегодня вечером мы заявимся к молодоженам Логиновым и начнем собирать информацию. А сейчас поедем, нас ждет Леня.

– А кто у нас Леня?

– Васенька, Леня – это наш юбиляр, и мы едем устраивать ему праздник.

– Ну... Если я успею собраться...

– Нам дают ты...

– Даже за тысячу баксов я не появлюсь без макияжа перед тридцатилетними мужчинами!

Ты же знаешь, с каким презрением я к ним отношусь.

Люся смирилась. Макияж для Василисы был длительным, священным ритуалом. И это можно было понять – она была необычайно, просто удивительно некрасива. Над небольшими глазками цвета невымытой бутылки кустились белесые щетинки бровей, рот устрасал своей огромностью. А нос можно было смело измерять в дециметрах. Гладкие, собранные в фрикадельку волосы не скрывали, а предательски подчеркивали все огрехи физиономии. Неудивительно, что Василиса просиживала перед зеркалом часами, прежде чем явить себя миру. Зато эти часы превращали лягушку в царевну. Умело накрашенные глаза превращались в бездонные озера. Яркие губы извивались в едкой усмешке, а появившаяся стильность позволяла не замечать длину носа. Во всяком случае, так казалось самой Василисе. Люся же не умела меняться так кардинально и благодарила бога уже за то, что не наградил ее такой неказистой внешностью.

К заказчику подруги не опоздали и ровно в два топтались у его дверей. Какой-то невоспитанный шалопай открыл двери, окинул взглядом дам с ног до головы и поинтересовался:

– Тетеньки, вы к кому?

– Нам бы Леню.

– Леню? Леня – это я.

– Ну тогда мы к вам, – уверенно заявила Василиса и протолкнула вперед Люсю с баяном.

Парень поспешно ретировался в глубь комнаты и оттуда уже доносился его встревоженный голос. Похоже, он высказывал неудовольствие своей подруге.

– Таня! Тань! Там, по-моему, твоя мать приехала. С вещами и еще с каким-то нафталином. Если они собираются здесь осесть, сразу предупреди, что у нас черная оспа, бычий цепень и СПИД особенный – губительный для старух. Что хочешь говори, но мне их не надо.

– Леня! – позвала Василиса. – Что же вы так переполошились? Это ведь вам исполняется тридцать лет, так?

– Ну мне, – показалась в дверном проеме включенная голова.

– Все правильно, а мы – подарок от вашего друга.

– Фирма «Улыбка» приветствует вас и ваших гостей! – заученно выкрикнула Люся и, растянув меха, приплясывая, ввалилась в комнату.

– Ах вот оно что... Только вашу фирму не «Улыбкой», «Насмешкой» лучше назвать. Так, значит, вы нас веселить будете? Ну-ну.

Веселить пришлось помимо самого хозяина – его даму сердца Татьяну, вялую, как большая амеба, девушку и еще одну пару, которая больше паялилась в телевизор. Работать в таких условиях подругам еще не приходилось. До их прихода, по всей видимости, никто и не собирався ничего праздновать, потому что Татьяна занималась маникюром, сам Леня крутился возле компьютера, а неведомая пара упивалась сюжетом порнофильма. Вот попробуй тут произносить здравицу, когда в руках у гостей совсем нет рюмок. Каждый новый тост «Я хочу выпить...» звучал как приглашение сбегать в ларек. Людмила Ефимовна терзала баян и по очереди трясла ногами, как дрессированная цапля. Василиса старалась всюю, и к концу празд-

ника зрители сбросились на бутылку, после которой, собственно, и началось само веселье. Развязка наступила вечером, когда измученные артистки собирались домой.

– Спасибо, что пришли. Я-то, честно говоря, поляну только в субботу накрывать соби-
рался, – цвел именинник.

– До свидания, приходите еще, – любезно прощалась Татьяна, не понимая, почему бабенки все еще топчутся у дверей.

– Значит, вам понравилось? – издали стала подъезжать Василиса. – Тогда давайте рас-
платимся, а то мы у вас действительно засиделись.

– Что значит – расплатимся? – вытянул лицо Леонид. – А нам от вас ничего больше не
надо.

– Понимаете, это нам теперь от вас надо. Тысячу долларов, как и договаривались.

– Сколько?! Тысячу баксов?! Это за ваше-то кривляние?! Да за такие деньги я перед
своим начальником полгода такой же мартышкой работаю, а вам за один вечер!..

– Хорошо, что сегодня не весь реквизит с собой потащили, – бубнила под нос Василиса,
трясаясь в автобусе.

– А вообще, они славные, – блеяла рядом Люся. Это она сегодня сдернула подругу, а сама
даже с оплатой как следует не договорилась и теперь чувствовала себя виноватой. – Вспомни,
как тебя этот-то, второй называл?

– Толик? Помню как – Буратино.

– Да нет, он тебя называл Мисс Чудо! Просто рыцарь слова! Просто Пегас, – лебезила
Люсенька.

– Пегасы... Только хотелось бы знать, кто нам подсунул этих жеребцов.

Но долго размышлять над этим подругам не пришлось. Уже подходя к дому, они услы-
шали душераздирающие вопли. Сомнений не было – так мог орать только драгоценный Финли.
Вероятно, опять выпрыгнул в форточку на балкон, а обратно залезть не может. Забыв про
усталость, женщины кинулись в дом спасать любимца. Люся первая ворвалась в квартиру, бро-
сила баян и рванула на себя балконную дверь. Замерзший котяра теннисным мячиком при-
нялся скакать по комнатам, пытаясь согреться. У Люси на глазах выступили слезы умиления.
Вообще-то, это был кот Василисы, но тряслись над ним обе подруги. Да и как не трястись!
У него были такие качества, которые украсили бы любого мужчину, – ум, красота, достоин-
ство и порода! А уж о верности Финли ходили легенды. Кот абсолютно не терпел посторонних
и кидался на любого чужака, причем норовил вцепиться в физиономию любому, кто осмели-
вался просто входить в дом. Только к своим хозяйкам он проявлял терпимость и ласку. Правда,
хозяйки еще не знакомили его с кошками. Это было, на их взгляд, растлением. За котом был
прекрасный уход, он ел от пуза и каждый вечер выходил на охоту. Охотился обычно на своих
хозяек, и женщины по часу, а то и больше передвигались по комнате короткими перебежками,
высоко подбрасывая колени. Иногда котище подстерегал хозяйек возле туалета, и тогда слабая
на мочевой пузырь Люся от испуга проворно ныряла в комнату раздумий. И вот сегодня это
сокровище чуть не окоченело на балконе!

– Люся! Это что, снова твоя Ольга приходила? – включила свет Василиса.

Люся обвела комнату глазами и обмерла – все вокруг было перевернуто вверх дном!
Все вещи, альбомы, журналы были вывалены на пол. Разруха царил даже на кухне – под
ногами перекатывалась картошка, вытряхнутая из мешка, а дверцы шкафчиков были распах-
нуты настежь.

– Может быть, Оля искала целые колготки? – только и смогла предположить Люся и тут
же побежала звонить дочери. – Оля! Это просто вандализм! Немедленно приходи и убери за
собой все, что... Ах, это ты, Вовочка. А где Оленька? Уехала в Барнаул? Ага... на собачью

выставку... Она мне сама об этом говорила?.. Да, конечно же, помню, просто я думала, что она уже вернулась. Ну хорошо, пусть позвонит, когда приедет.

– Вася, Оля уехала в Барнаул, это не она.

– Это и так ясно. Здесь что-то искали. И выгнали нас к этому Ленечке для того, чтобы власть накопаться в наших вещах.

У Люси округлились глаза и бешено заработала фантазия.

– Это маньяк. Он охотится за одинокими женщинами, роется в их нижнем белье, в их продуктах, и это приносит ему удовольствие, да?

– Не думаю. Значит, теперь наше расследование пойдет по другому плану: сначала мы должны найти того, кто раскурочил нашу келью. Когда найдем, во-первых, – будем знать, кого остерегаться, а во-вторых, проявятся новые дорожки к расследованию. Я так думаю. Поэтому давай искать.

Когда Василиса принималась за дело, она умела быть суровой и нестигаемой. В такие минуты ее белесые брови собирались на переносице, глаза метали молнии, а из груди нет-нет да и прорывался благородный рык. Одного ее вида было достаточно, чтобы устроить всю преступность в пределах микрорайона. Однако, чтобы преступник испугался, его следовало все же найти.

– На словах-то оно просто, а как ты на деле его найдешь? – попискивала Люся. Она не умела выглядеть так устрашающе.

– Ты ж у нас профи – детектив, так должна знать, что каждый преступник оставляет следы, вот мы их и поищем. Я, кстати, думаю, что нас всерьез не воспринимают, поэтому особенно не старались замести следы. Это нам только на руку.

– А ты на самом деле считаешь, что у нас гостил преступник?

– Если без спросу в нашей квартире хозяйничал, то бесспорно, – подтвердила Василиса и, водрузив на нос очки, рухнула на четвереньки. Люся принялась шаркать коленками в другом углу комнаты.

Через полчаса работу пришлось прервать – в дверь позвонили. На пороге стоял сосед по лестничной площадке Дима Фокеев. Парень жил здесь, наверное, с рождения, только сначала с родителями, а после их переезда в сельскую местность – совсем один. С Василисой и Люсей у него были самые добрососедские отношения. По их просьбе Дима иногда ковырялся в стареньком телевизоре, мог прикрутить розетку или посмотреть люстру, а женщины, в свою очередь, безропотно давали ему взаймы соль, спички и угощали стряпней.

– Василиса Олеговна, у вас сегодня котик на балконе вопил. Я уж стучал к вам, стучал, думал, если до ночи никто не откроет, – стану двери ломать. Мало ли – вдруг что случилось.

– Да, Димочка, у нас случилось, и не мало что. Видишь вон, вся комната разворочена.

– Гости к нам, Дима, навевались, пока мы на работе были, – пояснила Люся.

– Так, значит, это к вам. Я сегодня в магазин подался, смотрю – в наш подъезд два мужика направляются. Еще удивился – к кому бы? У нас же одни пенсионеры проживают, а те мужики совсем не старые. А потом, когда вернулся и свою дверь открывал, слышал в вашей квартире мужские голоса. Глуховато, правда, но у меня слух хороший. Я чуть с катушек не съехал – ничего себе, думаю, бабульки какой свежачок подцепили! Хм... Я извиняюсь... Ну, что вы еще молодые и все такое...

– Ладно, не извиняйся. Как выглядел свежачок?

– Обычно: короткие дубленки, шапки, ничего особенного.

– Ты куда уходить не собираешься? – почему-то всполошилась Люся.

– Да нет, мне на работу завтра с утра.

– Из дома куда не уходи! – крикнула она, схватила какой-то пакет и выскочила за дверь.

Вернулась, когда Василиса уже выгребла весь мусор, разложила все по местам и теперь домывала полы.

– Вот, – радостно бросила Люся и плюхнула на стол толстенькую пачку. – Помнишь, Петя нас заставлял все свадьбы фотографировать, вдруг кому-нибудь взбредет в голову купить фото. Так вот. Это – фотографии с той самой свадьбы. Я их только что получила, еле уговорила, чтобы побыстрее сделали. Сейчас Димку позовем, пусть посмотрит, может, кого узнает.

– Здорово. Только сапоги могла бы и снять, не в общественном туалете находишься.

– Сейчас разложим на столе все фото относительно молодых мужчин, пусть Дима смотрит.

Что касалось молодых мужчин, то из всех приглашенных насобиралось пять их фотографий. На свадьбе почему-то преобладали мужчины перезрелого возраста.

– Эх, маловато. Надо бы еще чьи-то снимки приложить, чтобы вернее было, – вздохнула Люся.

Василиса поджала губы и вытащила из какого-то потайного ящичка еще три фотографии. Подруги позвали соседа.

– Вот, Дима, смотри, – сурово объясняла Василиса ситуацию. – Здесь фотографии всех тех, кто мог бы покушаться на наше имущество. И даже честь. Будь внимателен.

Дима почему-то изумленно вытаращил глаза.

– Нет, вы серьезно? А что, и Том Круз хотел на ваше имущество это... покуситься? И честь? Вот охальник!

– Так это Том Круз? А мне говорила, что это молодой отверженный поклонник, – еле слышно пробубнила обиженная Люся.

– Дима, не отвлекайся, – стыдливо зарумянилась Василиса.

Парень добросовестно вглядывался в снимки.

– Так вот же он! Вот этот точно был, – ткнул он пальцем в фотографию жениха. – Второго здесь нет, а вот этого точно видел. У него еще дубленка была расстегнута и шарф длинный такой, синий, с желтым маленьким орлом.

– Спасибо, дружок. Если понадобятся спички – заходи, – попрощались с соседом хозяйки.

Теперь было ясно – приходил жених, Роман Логинов. И приходил, возможно, за зловещей коробкой. Только зачем она ему? Неужели тоже хочет заработать миллион? Правда, деньги никому еще никогда не мешали.

Ночью, подтягивая к подбородку одеяло, Василиса мысленно оправдывалась перед Люсей за свою маленькую ложь. И в самом деле, кто же мог знать, что на фотографии какой-то там Том, да еще и Круз! Ну, говорила она, что этот мальчик за ней ухаживал, ну так кому от этого плохо? Не может же она признаться подруге, что приличного мужика за всю жизнь ей так и не удалось встретить! Люсеньке хорошо, у нее все-таки был муж... А, может, тоже врет? Фамилия-то у нее девичья. И для кого они себя хранят? Да ни для кого! Просто потребителя нет, чтоб ему пусто было! Нет, вот раскроют они это дело и займутся своей личной жизнью.

Люся тоже не могла уснуть и, обуреваемая обидой, ворочалась в своей кровати. Вот ведь какая эта Васька! А она-то ей так верила! Это ж надо – подсунуть фотографию артиста, да еще и самозабвенно врать, что парень чуть не умер от любви! А она, Люся, вроде как и вовсе никому не пригодилась за всю жизнь! А у нее, между прочим, тоже есть что вспомнить. Ну, вообще-то, они с родителями жили, как все. А потом папа с маменькой как-то очень стремительно собрались на Урал, на родину, и оставили Люсю одну в здоровенной квартире. «Девочке надо устраивать личную жизнь!» – категорично заявила мама, и папенька тут же стал собирать чемоданы. Родители как чувствовали – едва они отбыли, как у Люсеньки немедленно случилась любовь. Предмет страсти был худым и длинноногим, как малярийный комар, любил много и вкусно поесть и хорошо выпить. Но вот работать не любил. Как-то так получалось, что на физическую работу у него не хватало сил, а на умственную – мозгов. Зато он обожал женщин. Всех. Без

разбору. Каждую субботу, нарядившись, как рождественский заяц, выдирал возле исполкома для букетика пучок пыльных астр и шел предлагать себя в мужа – авось кто и позарится. Однако желающих не было. И только когда очередь дошла до Люси, влюбленная девушка не стала капризничать. Жених одарил избранницу духами «Белая акация», невероятными долгами и призрачными надеждами, но до регистрации брачных уз дело так и не дошло. Случилось так, что Люсю пригласили поиграть на погребении похоронный марш. Деньги предложили хорошие, и Люся согласилась. Это произведение Люся ни разу не исполняла, поэтому дома принялась настойчиво репетировать. Жених выдержал два вечера, а потом предъявил ультиматум – или я, или эти душераздирающие звуки! И вообще, похоронный марш ему слушать еще рановато, а если Люся на что-то намекает... Люсенька, конечно, выбрала любимого, но едва женишок доверчиво засопел и по-детски зачмокал во сне губами, как она тут же развернула меха – требовалось отработать басы. Насмерть перепуганный женишок взлетел с кровати, точно ракета со старта. Так, в трусах, не дожидаясь субботы, он и удрал к очередной невесте. Людмила какое-то время горевала, потом устроилась в Дом культуры, где аккомпанировала мужскому хору «Недремлющий пожарник» и вся отдалась искусству. Родившейся дочери Оленьке она объяснила, что отец кого-то от чего-то спасал и стал героем. Посмертно. Оля по папеньке не горевала, потому что в ее классе добрая треть детишек были потомками без вести пропавших «героев». Ну и что? Прожила же Люся. И не стала подруге на уши лапшу вешать, что по ней Ален Делон сохнет. Правда, она Василисе тоже наплела про мужа-героя, так ведь та уже не маленькая, могла бы и сама догадаться. Пообижавшись еще минут пятнадцать, Люся забылась в крепком сне.

Глава 2

ЧЕРТЕНЯТА И ДЕВА МАРИЯ

Наконец-то Мария Игоревна стала матерью! Правда, она не ожидала, что Всевышний проявит такую щедрость и подарит ей сразу пятерых деток, но она все равно была рада. Совсем недавно она, несмотря на возраст, впервые вышла замуж и приняла мужа вместе с детьми. Хотелось бы знать, с какой крольчихой Петюня настрогал такой выводок? Ой, господи, так нельзя даже думать! Иначе чему она сможет научить детей. А интересно, их вообще-то можно научить хоть чему-нибудь? Вот среднему, Денису, уже четырнадцать, а он опять ночью нацепил в постель. Мария Игоревна, как и подобает заботливой маме, аккуратно свернула простыню и только тихо улыбнулась. Ну что же поделать, если у ребенка такая беда. Да и потом у Петюни в субботу стирка, перестирывает и простыню. Конечно, она ему ничего не скажет, он и так из кожи вон лезет – и варит, и стирает, и работает. Мария Игоревна теперь ходит к себе на службу только ради собственного удовольствия. Нет, с мужем она не прогадала. Дети, конечно, больны, но она сумеет поставить их на ноги. С Петюней они расписались полгода назад, а с его потомством живут вместе только месяц. Когда весь выводок вышел в маленький коридорчик, у Марии закололо где-то под лифчиком. На кудрявых ангелочков дети не смахивали. Гнойные царапины, невымытые волосы, вонючая одежда – это лишь неполный перечень, чем шеголяли ребята. К тому же с первого взгляда было видно, что у Петюниных отпрысков большие проблемы с умственным развитием.

– И где это они выращивались? – спросила Мария Игоревна у мужа поздно вечером, когда ребятишки были отмыты, накормлены и уложены в чистые постели. Мальчикам было постелено на полу, и только девочку хозяйка уложила в кровать, нарядив ее в свою старенькую ночнушку.

– Маняша, я все понимаю, если хочешь, мы завтра же уйдем. Двенадцать лет назад их мать ушла от меня к другому мужчине. Я все им оставил, а сам в Тюмень, к матери укатил. Алименты посылал регулярно, а что с ними, как они там – не знал. Недавно вернулся, тебя встретил и про семью свою бывшую узнал. Спилась моя бывшая супружница, мужик куда-то подевался, а дети по подвалам разбежались. Еле отыскал. Потом добивался, чтобы мать лишили родительских прав, а детей мне передали. Ну да... что говорить. Нахватались дети... Они хорошие, правда... Маша, ты только подумай, она их даже в школу не водила.

– Так они что же... Они даже неграмотные? А как же мы их дальше-то?..

– Татка ходила, два класса окончила. Богдан умеет читать и писать, а остальные... но я уже все придумал. Я сейчас за десятерых стану работать, мы ребятам найдем учителя, они очень быстро догонят, не дураки же!

В этом Мария Игоревна сильно сомневалась. К тому же младший, Тема, был еще и немой. Слышать-то он слышал, но вот говорить не мог. И что дети освоят науки очень быстро, она утверждать бы не осмелилась.

– Так что, Маняша, тебе решать.

– Я-то решила, а ты больше не зови меня этим революционным именем.

И вот уже месяц, как Мария Игоревна упорно старается стать для детей и матерью, и другом, и учителем. Сегодня дома был только Гришка, паренек тринадцати лет. Остальных отец повез лечить к какой-то бабушке. Заниматься с одним еще лучше, и Мария Игоревна старалась не упускать ни минуты.

– Гриша, а теперь давай переходить к делу, – радостно оповестила она мальчугана сразу после того, как накормила ужином. – Давай порисуем. Для начала что-нибудь легкое. Например, дом. Если будешь стараться – получишь что-то вкусненькое.

Через пять минут Гришкина картина была готова.

– Это дом? – с интересом спросила Мария Игоревна.

– Ну, – вяло ответил автор.

– А почему... А почему окна с решетками?

– Чтобы воры не лезли.

– Хм, давай-ка лучше цветочки рисовать.

– Не, я же не девка. Я лучше овощи нарисую.

– Хорошо, хорошо. Рисуй все, что захочешь, – обрадовалась «учительница» Гришкиной инициативе. Только радовалась она преждевременно. Глянув на рисунок, Мария зарделась. Там было... Нет, она даже в мыслях не могла произнести то, что было у мальчика на листке.

– Гриша! Это что такое?

– Это один банан и два персика, – все так же вяло пояснил Гриня.

– Ну. Знаешь что, а давай мы сюда еще один шарик пририсуем, и у нас будет Царь-пушка.

– Я не видел царя с пушкой, но попробую, – пожал плечами Гриня и принялся рисовать.

Когда Мария заглянула к нему через плечо, он заканчивал работу. Над «пушкой» он уже нарисовал уродливого человечка в короне и теперь дорисовывал под этой самой «пушкой» маленькие кривые ножки.

– Это царь с «пушкой», – боязливо протянул он похабный рисунок.

Мария Игоревна опустила на стул и прижала к себе голову мальчика.

– Бедный ты мой. Ты знаешь, потерпи немного, может, когда-нибудь мы накопим денег и съездим в Москву, посмотреть на настоящую Царь-пушку.

– Василиса, ты скоро? – торопила подругу Люся. Они собирались сегодня найти Романа Логинова, того самого жениха, который так вероломно ворвался в их дом.

– Ва... Вася! Зачем ты надела кружевное белье?

– Чтобы не думали, что мы какие-то... Вдруг предложат раздеться.

– Но не до такой же степени! И кто это нам будет предлагать? Там всего два мужика и те при женах.

– Ах, я тебя умоляю! Все они при женах, а как увидят смазливую бабенку, так не знаешь, как отбиться. Скажи лучше, у нас есть адрес молодоженов?

– Откуда же? Мы ведь свадьбу в доме невесты проводили.

– Не невесты, а ее родителей, это большая разница. Вот сейчас туда и направимся, узнаем, где молодые поселились.

Выходной костюм сыграл с Василисой злую шутку. К нему требовались тонкие колготки, кои изысканная дама тоже натянула. Поэтому, когда две подруги добрались до нужного места, Людмила цвела яблочным румянцем, а несчастная Василиса кутала в воротник васильковые щеки и тряслась, как левретка.

– Значит, так, говорить будешь ты, у тебя лучше получается, – повторила Люся и нажала на кнопку звонка. Дверь им открыла сама невеста.

– Вы к кому? – вздернула она соболиные бровки. – К нам? А кто вы? Я что-то вас не помню.

Да уж! Весь вечер на свадьбе они были, как бельмо в глазу. А у этой феи даже в памяти не задержались.

– Мы у вас свадьбу проводили, – начала объяснять Василиса.

– Ну?

– Жанночка, кто там? – послышался из комнаты женский голос.

– Мам, это клоуны! – крикнула Жанночка и уставилась коровьими глазами на незваных гостей.

– Оказывается, мы кое-что забыли заполнить, для отчета, так сказать. Нам нужно записать место работы вашего мужа, места вашего проживания.

– Я не понимаю, чего вы хотите?! Мой муж давно погиб, поэтому нигде не живет и не работает.

Подруги подумали было, что молодая просто сошла с ума от супружеского счастья и несет поэтому всякую чушь.

– Подождите, как погиб? Когда?

– Вчера вечером. Его сбила машина, – догадалась опечалиться вдова. – В четверг похороны, сами понимаете, мне сейчас совсем не до вас.

– Ага... Подождите, а где состоится вынос тела?

– А вам зачем?

– Для отчетности, – ляпнула Люся.

Молодая вдова внимательно посмотрела на надоедливых гостей и ответила с явным неудовольствием:

– Отсюда хоронить будут. И к чему только эти ваши отчеты!

– А у него что, своей квартиры не было? – удивилась Василиса.

– Бабуси!!! Вы достали!!! – сверкнула глазами Жанночка и захлопнула двери прямо перед носом женщин.

Подруги ехали домой в полном молчании. Конечно, надо было узнать про трагедию поподробнее, но только кто же им, затейницам, будет докладывать о происшествии! Эта самая Жанна ведь не знает, что теперь уже они не балаганные артистки, а самые что ни на есть серьезные детективы. И все же, что произошло с женихом? Лишь выйдя на своей остановке, Люся предложила:

– Давай хоть в магазин зайдем, в холодильникемышь повесилась, а нам, похоже, силы понадобятся. Много сил.

– Тогда возьмем еще двести граммов ветчины и хлеба.

– И маленькую бутылочку коньяку. Для широты мысли.

– Ага... и еще...

Домой подруги вернулись нагруженные пакетами и изрядно уставшие от толкотни по магазинам. Полчаса они топтались на кухне, готовили обед и вздыхали по поводу ранней кончины Романа Логинова. После того как молодой мужчина был помянут, дамы приступили к размышлениям.

– Итак, что же мы имеем? – начала Василиса. – Во время свадьбы нам по ошибке суют ужасную коробку, потом нам кто-то звонит и посылает нас.

– К Лёне, – торопливо подсказала Люся.

– Правильно, а в это время к нам приходит Роман и что-то ищет.

– Руки, что же еще.

– Необязательно. Хотя, может, и руки. Но ничего, видимо, не находит.

– Почему?

– А что у нас можно найти? Или ты что-нибудь слямзила у Логиновых? Нет? Ну вот, жених ничего не находит и погибает. Случайно.

– Нет, не случайно. Вася, я знаю, что случилось. Скорее всего Роману было поручено чье-то убийство. В доказательство выполненной работы он должен был принести... ну, например, руки. Доказательство он потерял, а его за это и порешили, вот!

– Он никого не мог убить, у него же была свадьба. Причем на этой свадьбе он значился женихом, то есть был все время на виду. Регистрацию назначили на одиннадцать утра. Слушай, Люсь, а что это у нас вдова какая-то несерьезная? Совсем непохоже, что у нее безутешное горе.

– Вот-вот. Погиб молодой муж, а у нее даже настроение не испортилось. Чует мое сердце, Василиса, что-то здесь не фиалками пахнет. Позвонила бы ты Пашке, ну его, этот миллион.

Пашка, конечно, подойдет к этому делу профессионально, да только вряд ли будет благодарен за такой «подарок» от матушки с ее подругой – парень и без того разрывается. И все же Люся была права. Василиса вздохнула и потянулась к телефону. Телефонный разговор у нее получился странный – она лишь успела поздороваться, а остальные двадцать минут только согласно кивала головой, цокала языком и ахала. Наконец, Василиса Олеговна попрощалась и аккуратно положила трубку.

– Ну?

– Ничего не «ну», я с Лидочкой говорила, с невесткой. Пашу срочно вызвали на работу, у них операция «Вихрь – антитеррор». Теперь им явно будет не до нас. Я вот что подумала – и что же, мы так быстро сдадимся? А как же гражданский долг, сердечная инициатива и помощь родной милиции?

– А может – ну их, все эти долги? Чего-то не хочется, как этот Роман...

– Так, значит, от миллиона ты отказываешься?

– Не говори ерунды. С чего начнем? – опомнилась Люся.

– С похорон. Мы в четверг идем оплакивать жениха и фотографируем всех присутствующих. Потом попросим Диму-соседа посмотреть – нет ли среди них того, второго, кто к нам приходил.

– Логично, а еще надо за невестой приглядеть, уж больно она странно выглядит.

Подруги еще долго строили планы, как им успешнее выявить преступников, пока не выдохлись окончательно.

– Вася, у нас же еще коньяк недопитый, – вскочила Люся и тут же взвизгнула – в ее ноги впились острые когти: у кота наступило время охоты.

Утром Василиса проснулась с каким-то приятным чувством. Да, она уже себе не принадлежит, ей надо раскрыть это дело, помочь Паше и перегруженной родной милиции. Теперь она вся обратится в ум и сосредоточится. И все бытовые проблемы должны отойти на второй план, все – Финли, Люся, Паша, Лидочка... Лидочка! Она же вчера просила купить ей халатик, потому что сама купить не может – не с кем оставить детей, а старый халат ей мал. Бедной девочке даже не в чем лечь в больницу на сохранение!

Василиса бодро вскочила, умылась и приступила к таинству макияжа.

– Вась, ты чего в такую рань? Еще, наверное, и одиннадцать не случилось, – ворчала Люся.

– Я в магазин. Да заодно пробежусь, а то стала уже форму терять. Так что поднимайся. Нам нужно зарядить себя бодростью и энергией.

Людмила заряжаться не спешила. В конце концов, какая разница – пробегутся они в одиннадцать часов или чуть позже! Однако спорить с Василисой было излишне, подруга и сама любила потянуть резину. Люся, как всегда, не ошиблась. После сытного завтрака бегать Василисе Олеговне расхотелось. Но халат купить все же было надо, и подруги подались в центральный универмаг. Люся таскаться по магазинам не любила. Василиса же с упоением рылась в кружавчиках, рюшечках и складочках, поэтому Люся оставила подругу выбирать халат, а сама прошла в книжный отдел. Там она могла пропадать часами. Заботливая свекровь довольно долго ковырялась в фасонах, подбирала расцветку, искала нужный размер и, наконец, выбрав то, что нужно, заплатила за покупку и отправилась на поиски коллеги. Люся нашлась быстро – застав у какого-то стеллажа, она с головой ушла в чтение книги.

– Ну что, купила? – спросила Люся, когда подруга оттащила ее от книжных стеллажей.

– А как же! Смотри – и цвет и фасон, видишь, какая веселенькая полосочка!

– Ну ты даешь! Лидочка, помню, при мне говорила, что терпеть не может полоски, она в них на матрас похожа. Два часа выбирала, а подобрала самое неподходящее. Она тебе назло третью девочку родит, вот увидишь.

Василиса всполошилась. Как же она могла забыть! И ведь верно – вчера ее невестка просила, если можно, без полосатости.

– Идем, поменяем. Теперь я быстро возьму однотонный, и все, – ринулась назад незадачливая покупательница. – Идем, Люся.

– Стой! – вдруг дернула ее подруга. – Смотри!

В отделе женской одежды из примерочной вальяжно вышла молодая вдова, та самая Жанна. В ее руках были плечики с изящным черным платьем.

– Скажите, а что-нибудь нестандартное у вас есть? Я по всему городу ищу платье с черной сеточкой, у вас нет такого? – спрашивала она у продавщицы.

Женщина пожала плечами, по всей видимости, ассортимент траурных платьев был неширок. Тогда роскошная молодая женщина тряхнула пышной гривой волос, поправила шубку и стремительно вышла из магазина. На улице перед ней распахнулась дверца «БМВ», красавица села, и машина унеслась, сверкнув окнами. Начинаящие сыщицы с минуту таращились вслед исчезающему авто, а потом, не сговариваясь, рванули следом.

– Номер! Номер смотри! – кричала Люся, безнадежно отставая от долговязой подруги. Но Василиса скачками уходила вперед и никого вокруг не видела и не слышала.

– Нет, не догнать, – дыша, словно беговая лошадь, сокрушалась Василиса.

– Так ты что, машину догоняла? Я же тебе кричала, чтобы ты номер запомнила.

– Да не видела я. Я же без очков, поэтому и бежала, чтобы этот самый номер рассмотреть.

Люся вспомнила, как Василиса читает газеты, представила, на какое расстояние ей надо было подбежать, и махнула рукой. Подруга была не по возрасту близорука. Пришлось возвращаться домой ни с чем.

– Поведение нашей вдовы просто возмутительное! – сокрушалась Люся, терзая на кухне мясо для борща.

– И в самом деле. Муж еще не предан земле, а она уже с мужиком разъезжает. И, смотри, даже из похорон умудряется сделать демонстрацию мод.

– Вась, а почему ты решила, что за рулем мужик?

– Видела. Еще когда она в иномарку прыгала. Смазливый такой, черненький, пальто нараспашку.

– Точно пальто? Не дубленка, не куртка?

– Длины его прикида я не усмотрела, но не кожаная куртка и не тулуп, – уверенно ответила Василиса, утирая слезы – ей выпало резать лук.

Вечером к подругам принеслась раскрасневшаяся Лидочка.

– Василиса Олеговна, вы халат купили? А то мне прямо в больницу не в чем, а врачи настаивают на сохранении...

У Василисы при напоминании о халате часто задергался глаз, а пальцы стали нервно комкать подол платья, не к месту открывая узловатые колени.

– Вот, возьми, – протянула она пакет. – Дома примеришь.

– Да ну! Чего дома, я сейчас примерю, мне нетрудно. – Невестка кинулась разворачивать сверток.

При виде обновы Лидочка судорожно вздохнула, и уголки губ самопроизвольно поползли вниз, но она успела взять себя в руки.

– Надо же, какой миленький. И на мне сидит замечательно, – с преувеличенным восторгом щебетала она.

Но Василисе и Людмиле было невесело – в этом халате Лидочка и правда напоминала полосатый матрас.

На похороны недавнего жениха подруги старались не опоздать и все же прибыли только к выносу тела. Еще дома женщины строго распределили обязанности, и теперь Люся прочно

приклеилась к спине Жанны, а Василиса, вооружившись дешевеньким фотоаппаратом-мыльницей, со скорбным лицом щелкала всех присутствующих. На нее была возложена особенная миссия: по фотографии Дима Фокеев, сосед, должен был опознать, кто приходил к ним в дом вместе с женихом. Надо сказать, что именно эта задача разрешилась легче всего. И даже без Димы. Василиса сразу заметила высокого крепкого парня. Он шел с непокрытой головой, в распахнутой дубленке, а на его шее болтался синий шарф с маленьким желтым орлом. Женщина без устали щелкала фотоаппаратом и боялась только одного – чтобы не кончилась пленка. Не забывая всем своим видом соответствовать трагическому моменту, Василиса обводила взглядом горестную толпу. Народу было совсем немного. Почему-то все больше бабушки и женщины унылого возраста, а из молодежи помимо вдовы шествовал только парень с синим шарфом да две-три подружки Жанны, которые, то и дело сбиваясь с траурного настроения, неприлично хихикали. Вот, пожалуй, и все. Хотя нет. Чуть поодаль от процессии бежала стайка ребятни, которым все было интересно. Василиса и на них навела объектив, но коварная мыльница замерзла и отказалась работать. Пришлось отчаянно на нее дышать и даже засунуть под шубейку, поближе к тощей груди. Впрочем, ребятню она фотографировать не спешила, у нее был серьезный трофей – кадры парня с синим шарфом. Теперь у него можно будет смело поинтересоваться, какого хрена он выискивал в их квартире. Осталось выяснить, кто это такой, и Василиса, пустив горючую слезу, обратилась к одной из старушек:

– Скажите, а кто вон тот господин, что-то я его не припомню?

– Вон тот-то? Так это вроде как подельник его по работе. Вместе трудились, стало быть.

Спросить, а где же, собственно, трудился усопший, Василиса постеснялась – еще чего доброго и ее спросят, кем она приходится.

Людмила упорно держалась позади вдовы. Чтобы ни у кого не возникло желания турнуть ее отсюда, она старательно горевала и скроила такую трагическую мину, что при взгляде на нее родственники завывали еще заливистей, а бабульки крестились и толкали друг друга в бока:

– Глянь, мать-то как кручинится. Инда инсульт хватил, вишь как морду у ей перекособочило.

И все же произошла заминка. В катафалке вместе с убиенным могли ехать только родственники, но упускать Жанну было нельзя, и Люся, кряхтя, втискивалась вслед за ней. Вдова же, будто случайно, медленно просовывалась в двери и между делом выпихивала упругим задом скорбную Люсю.

– Да что ж такое! – возмутилась наконец Люська, потеряв всякое терпение. – Убери задницу! Не видишь, людям сесть некуда!

Изо всех сил она толкнула препятствие, и молодая дама, потеряв равновесие, рухнула в траурное ложе любимого. Пока Жанночку поднимали, Люся успела проникнуть в будку катафалка и теперь снова уныло терла красные глаза.

– А вы, интересно знать, хороните здесь кого или так, по пути? – не утерпела Жанна.

– Наша фирма ведет своих клиентов от венца и до гробовой доски, – потупив взор, прошелестела Люся.

– Похоже, Рома вовремя от вас избавился, – фыркнула вдова и, вытащив зеркальце, принялась поправлять макияж.

Дальше Жанна вела себя, как и подобает среднестатистической вдове, – где надо тихонько подвывала, где надо ревела навзрыд, а в одном месте даже ненадолго рухнула в обморок. Бдительность Люси начала было уже засыпать, как вдруг на кладбище она снова увидела ту самую иномарку, в которой Жанночка унеслась от магазина. Теперь сыщица детально рассмотрела и машину, и номер, и слащавого водителя. Заметила машину и Жанна. Она прекратила кидаться на гроб, и только лицо ее приобрело выражение задумчивой печали. Накрашенные ресницы безутешной вдовы медленно опускались, и вся она была такая незащитная, что даже старички рядом с ней старались колесом выгнуть цыплячью грудь. Люся тщательно переписала

номер машины и, чтобы попусту не терять времени, принялась выпрашивать у всезнающих старушек, кто есть кто на этом собрании. Когда она вернулась в город, ей было уже известно, что никого из родственников несчастного на похоронах не было, а присутствовали исключительно знакомые со стороны вдовы. Пришел, пожалуй, один только друг, тот, с кем они держат вместе фирму. Вернее, держали.

Дома после такого плодотворного дня подружки делились информацией. На столе уже лежали готовые фотографии, но теперь куда-то подевался Дима. Но женщинам и так было ясно, кто приходил вместе с Романом крушить их обитель.

– И что же у нас получается? – рассуждала Люся, размахивая сосиской. – У бедного Романа вообще никого из близких не было. За исключением сослуживца – парня с шарфом. Зато у его вдовы в запасе еще один кавалер имеется. На все случаи жизни девчонка подстраховалась, поэтому ей плевать на потерю мужа. А муж, между прочим, магазинчик имел. Возникает вопрос – а не с ее ли легкой руки скончался суженый? Теперь ведь ей денежки отойдут.

Василиса долго в задумчивости жевала, потом покачала головой:

– Не верю я. Понимаешь, слишком уж открыто она на него плюет. Могла бы руки ломать, головой памятник долбить, чтобы следы замести. И потом, при чем здесь мы? Зачем Роман вместе со своим другом у нас все вверх дном перевернули? К чему была подброшена эта дурацкая коробка? Выгода для вдовы лежит на самой поверхности, а мне кажется, здесь нужно копать глубже. Над всем этим надо подумать. Завтра ты снова приклеишься к вдове, а я попробую узнать, что за фрукт этот молодой человек с орластым шарфом. Слушай, Люсь, а ты видела, там один такой интересный мужчина был?

– Это который с палочкой?

– Ага. С дирижерской, он оркестром командовал.

– Вась, побойся бога! Ему же лет тридцать пять!

– Ну и что? Зато какая тонкая натура! Он так чувствует музыку.

– Не знаю, что он там чувствовал, он все время на Жанну смотрел.

– И это с его-то косоглазием?!

Вася была неисправима. Она изо всех сил старалась ненавидеть мужчин, но этих самых сил ей всегда не хватало, и коварный мужской пол этим бесстыже пользовлся.

От беседы отвлек телефон.

– Алло! Мама! – кричал в трубку Павел. – Что ты такое купила Лидочке? Она наотрез отказывается ложиться на сохранение! И где мой свитер? Ты же обещала довязать...

Василиса опустила на диван. Дети, даже совсем взрослые, не могут порой решить такие смешные проблемы без своих мам.

Наконец, все дела на сегодня у Марии Игоревны были сделаны, и можно было уснуть. Стрелка часов лениво подтягивалась к единице. Да, теперь женщина раньше двенадцати не ложилась.

– Петр! Подбери организм, мне лечь некуда, – раздраженно бросила она супругу. Муж сейчас же ее облапил и горячо задышал в щеку.

– Ма-а-ашенька.

– Ах, оставь. Скажи лучше, ты завтра опять везешь мальчиков к врачу? Что там говорят?

– Ну что говорят? Им нужен уход, время, тепло. А вообще, результаты уже заметны.

– Ой, Петь, я вот что думаю... Да отлепись ты, дай слово сказать! Я вот думаю, может, и хорошо, что они у нас... такие. Вон, соседка говорила – какая-то банда подростков опять мужика избил, отобрала деньги, раздела. Ладно, наши в этом деле дураки дураками, а то ведь у них такой сложный возраст...

Петя повернулся на спину и обиженно засопел:

– Ну чего уж прямо «дураки»! Я вижу, Татка изменилась, к чистоте тянется. Ты, видно, приучила. Девчонка теперь целыми днями вещи полощет.

– А это – да, молодец девочка. Да и мальчишки меняются к лучшему. Все наладится, – успокоила Мария Игоревна мужа.

Зачем ему говорить, что вчера Таточка стирала свои трусики до тех пор, пока не измылился весь кусок хозяйственного мыла. Целый кусок! На одни трусики! Богдан, дубина пятнадцати лет, под два метра ростом, сегодня после обеда собрал в пакетик куриные кости и понес на улицу хоронить останки! Ну и какое тут выздоровление?

Утром Мария Игоревна спешно собиралась на службу.

– Таточка, я тебя вчера просила пришить к блузке пуговицу, ты справилась? – обратилась она к девочке. Малышка, радостно кивая, притащила вещь. Мария Игоревна подавила вздох – на кремовой блузке болталась пуговица величиной с кулак ядовито-зеленого цвета.

– Умница. Я вижу, что с иглой ты чудесно управляешься, только... Только я надену эту блузку не сегодня.

Женщина влезла в свитерок и выскочила из дома. По лицам старших детей пробежала злорадная усмешка.

Люся вот уже второй день околачивалась возле подъезда Жанны Логиновой. При этом она старалась не попасть ей на глаза. Слежка за вдовой оказалась делом непростым – где тут уследишь, если она либо не высовывается из дома, либо прыгает в «БМВ» и тут же уезжает! Бедная Люся уже начала притягивать к себе подозрительные взгляды соседских бабушек и дворовых собак. Потом в голове мелькнула спасительная мысль, и Люся, одевшись попроще, вооружилась метлой. Теперь она скребла веником где и сколько хотела. Наконец ей повезло – снова появилась знакомая иномарка, и небезутешная вдовушка выскочила из дома. Сам же молодой человек нырнул в подъезд.

А через несколько минут на дворовую скамеечку присела мамаша Жанны. Женщина была уютных размеров, жевала жвачку и жаждала беседы.

– Что ж ты метлой по снегу-то елозишь? – не узнав в Люсе тамаду, принялась она поучать. – Здесь лопату надо, а то скребешь, как курица лапой.

– Ой, и не говорите! Я еле метелку-то выпросила, а уж лопату-то...

– Ты давно у нас здесь? Что-то мне лицо твое знакомо, – пригляделась женщина.

– Так уж лет пять... Нет, вы посмотрите, какая дорогая машина! Вот повезет какой-то девчонке – хозяин иномарки небось при хорошем месте трудится, если на такие колеса заработал.

Мамаша Жанночки горделиво выпятила грудь, похожую на автомобильную подушку безопасности, и хмыкнула:

– Да уж, не метлой махает!

– Ну не скажите. На иного посмотришь – весь в мехах, на «Мерседесе», одеколоном смердит, а сам – хозяин общественного туалета. Так что этот...

– Кто-о?! Наш Матвей – хозяин общественного туалета?! Да он у нас начальник техотдела в торговой фирме. Скажешь тоже – туалет!

– Все на этих фирмах помешались, – бурчала Люся, продолжая вытягивать из простоватой женщины необходимые сведения. – Теперь каждую шарашку фирмой величают. Это он вам так говорит, что в фирме, а сам небось где-нибудь в подземном переходе с шляпой стоит. В порядочной фирме он бы задницу от служебного кресла не оторвал, а не то что по девочкам разъезжать в рабочее время.

За друга дочери мамаша поднялась во весь свой внушительный рост и слоном пошла на хилую Люсю.

– Ты говори, да не заговаривайся! Он у нас в фирме «Налим» трудится! А это тебе не твоим лысым венником скрести! Ишь ты! Да чтоб ты так жила!

Дослушав пожелания, Люся спешно откланялась и исчезла. Прибежав домой, она основательно потерзала телефон, прежде чем металлический голос справочной выдал ей нужный номер телефона.

– Добрый день. Вас слушает торговая фирма «Налим», – переливался в трубке приветливый голос. У Люси перехватило горло. Она вдруг вспомнила, что не знает ни фамилии, ни отчества этого Матвея. Хорошо хоть имя мамаша выболтала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.